

— Не нужно лишних церемонии, иди, садись, — добродушно отозвался Тао Наньлюй.

Юй Шанчжи уже давно не бывал на подобных застольях, которые вполне можно было назвать светским приёмом, и потому всё происходящее вызывало у него ощущение чего-то давно позабытого и даже немного волнующего.

На столе стояли и рыба, и мясо, и вино. Видно было, что Сюй Байфу отнёсся к приему гостя с большим уважением и щедростью.

После того как он сел, стало ясно, что старый лекарь действительно носит имя Тао Наньлюй, был он на два года старше самого Сюй Байфу, но выглядел крепким и бодрым, с ясным взглядом и ровной речью. Кроме того, Юй Шанчжи заметил, что старик любил вино, но держался сдержанно, пил умеренно, а ел медленно, тщательно пережёвывая пищу. Это поведение невольно напомнило ему его покойного деда.

Сюй Байфу, казалось, давно нашёл с гостем общий язык. Когда в разговоре всплыло, что Тао Наньлюй когда-то поднимался на гору Фуху за лекарственными травами, Юй Шанчжи почти с уверенностью понял: тот самый листок с рецептом, найденный в хижине, принадлежит именно ему. Человек, способный оставить за собой такую чёткую, выразительную каллиграфию, явно не из простых.

Если посчитать, двум собеседникам вместе взятым было под сотню лет, и Юй Шанчжи с должным усердием исполнял роль вежливого и тактичного младшего, почти не вмешиваясь в разговор. Лишь по прошествии долгого времени тема наконец перешла на него самого.

— Слышал от старшего брата Сюя, что ты раньше вылечил в деревне эпидемию, — произнёс Тао Наньлюй, внимательно разглядывая юношу перед собой.

На самом деле он действительно просто проходил мимо этих мест, собирался переночевать пару ночей и уйти дальше. Когда же деревенский староста предложил познакомить его с молодым деревенским лекарем, он отнёсся к этому с равнодушием, разве что с лёгким, едва уловимым любопытством: всё-таки не каждый день встретишь травника, который, едва достигнув совершеннолетия, уже начал врачебную практику.

Но, познакомившись лично, Тао Наньлюй сразу распознал в Юй Шанчжи ту породу, что явно не отсюда, из этой захолустной горной деревни.

Перед уважаемым старшим Юй Шанчжи держался с большой скромностью.

— Называется «эпидемией», но по сути была обычная детская сыпь, — спокойно ответил Юй Шанчжи.

Тао Наньлюй отставил чашу с вином и, словно между прочим, поинтересовался, какое именно

лекарственное средство тот использовал. Получив ответ, он слегка изменился в лице.

— Ты использовал не готовый рецепт. Это было наставление твоего учителя или собственное решение?

С точки зрения Тао Наньлюя, столь юный лекарь, даже начав практику, скорее всего просто следует шаблонам: применяет готовые рецепты и подбирает их по симптомам, как его учили.

Ответ Юй Шанчжи прозвучал уклончиво:

— И то, и другое.

Возможно, Тао Наньлюй уловил в его словах некое намеренное умолчание, но не стал настаивать и развивать эту тему. После этого он долго рассказывал о собственных скитаниях по свету, о врачебной практике вдали от дома, он побывал во множестве мест, даже добирался до Линнани и северо-западных краёв.

Юй Шанчжи заметил, как внимательно слушал Сюй Байфу, и, в конце, налив себе полчаши вина, легко чокнулся с двумя старшими и с чувством сказал:

— Мне-то суждено не выбираться отсюда, я этой жизнью прикипел к деревне. Но если кто из младших решит выбраться и посмотреть мир, это только к лучшему.

Сюй Байфу рассмеялся:

— Не смотри, что я сейчас такой, а в молодости сам мечтал стать бродячим купцом. Хотел было с речными караванами на юг уйти, поглядеть, как там люди живут.

За столом просидели до глубокой ночи, и кувшин с вином оказался почти пуст. Сюй Байфу и Тао Наньлюй выпили изрядно, тогда как Юй Шанчжи, играя роль младшего и сопровождающего, лишь пригубил несколько чаш. Когда пиршество подошло к концу, Сюй Байфу уже заметно захмелел, пошатывался при ходьбе. Юй Шанчжи поддержал его, передал семье и велел, как сварить отрезвляющий отвар.

Домочадцы семьи Сюй отнесли к Тао Наньлюю и Юй Шанчжи с большим уважением, сказали первому, что вода для умывания уже приготовлена.

Тао Наньлюй поблагодарил за заботу, уверив, что не пьян, и, выйдя с Юй Шанчжи во двор, продолжил с ним беседу.

— Ты уже обзавёлся семьёй? — поинтересовался он.

Юй Шанчжи кивнул:

— Дома меня ждёт супруг.

При упоминании Вэнь Ецая его взгляд стал мягким, в голосе проступила едва уловимая нежность. Тао Наньлюй даже невольно отвёл взгляд.

Юй Шанчжи сам не стал спрашивать, есть ли у старшего товарища семья. Судя по его образу жизни, вряд ли. Кто бы смог смириться с тем, что муж годами скитается по свету?

Понимая, что подобная встреча может больше не повториться, Юй Шанчжи, поколебавшись, всё же достал из-за пазухи листок с обрывком рецепта.

— Простите за дерзость, старший. Осмелюсь спросить, не вы ли недавно останавливались в охотничьей хижине на горе Фуху? Не вам ли принадлежит этот лист? — он протянул бумагу.

Юй Шанчжи понимал: если человек сам решил сжечь рецепт, значит, на то была причина.

Но ведь он, прожив две жизни, всегда был погружён в медицину, и, завидев редкий, трудный случай, у него не могли не зачесаться руки. Мало того, что он сам начинал ломать голову, так ещё и жаждал найти единомышленника, чтобы вместе обсудить и поразмыслить. В прошлой жизни, если бы ему захотелось обсудить такой вопрос, достаточно было протянуть руку, всегда нашёлся бы кто-то, готовый поговорить. А в этой, кроме недалёкого лекаря У, ему ещё никто по-настоящему не встречался.

Потому сейчас Юй Шанчжи вёл себя на удивление импульсивно.

Но реакция Тао Наньлюя оказалась куда резче, чем он мог предположить. Старец, который с самого начала беседы выглядел приветливым и спокойным, вдруг резко выхватил у него листок и, напряжённо нахмурившись, взволнованно спросил:

— Ты уже его прочёл?

Юй Шанчжи сперва не успел осознать, к чему ведёт этот вопрос, но всё же честно ответил:

— Хотя попал он ко мне случайно, но да, я прочёл.

Мало того, что прочёл, он ведь несколько часов просидел над ним, разбираясь до мелочей.

Услышав это, лицо Тао Наньлюя заметно переменилось. Он с необычайной поспешностью разорвал бумагу в клочья, скомкал и, оглянувшись по сторонам, бросил в ближайшую лужу

воды. Бумага стремительно расплзлась в воде, и уже никто на свете не мог бы угадать, что было на ней написано.

Тао Наньлюй раздражённо бросил взгляд на Юй Шанчжи и негромко сказал:

— Независимо от того, сколько ты успел запомнить, забудь всё. Это не та вещь, с которой можно шутить.

Юй Шанчжи никак не мог понять, отчего старик так остро реагирует, но, вспоминая симптомы, которые сам предположил, и ту надежду, что мелькнула у него во время ночных раздумий, быть может, всё это действительно могло спасти чью-то жизнь, он всё же набрался храбрости и заговорил:

— Старший, тот, кому предназначался этот рецепт, это кто-то, кого вы обязаны спасти?

Он задал вопрос предельно тонко, с должной осторожностью.

Тао Наньлюй повернул голову и снова пристально взглянул на Юй Шанчжи:

— Что ты этим хочешь сказать?

Юй Шанчжи с уважением склонился и произнёс:

— Этот младший, быть может, сможет помочь вам в этом.

Тао Наньлюй опустил взгляд, замолчал, и лишь спустя какое-то время снова поднял голову. Вдруг он произнёс, на первый взгляд, совсем не относящуюся к делу фразу:

— Ваш деревенский староста сказал, что тебе всего около двадцати, — тихо проговорил Тао Наньлюй. — А я в твоём возрасте даже ещё не окончил учёбу у наставника.

Юй Шанчжи понимающе улыбнулся:

— Старший повидал мир, сердце у вас широкое, разве вы станете судить о человеке по его возрасту?

Ответом ему стало короткое молчание... и полная печального раздумья усмешка.

— Если даже Сюаньфу мог бояться молодёжи, то и мужчинам не стоит пренебрегать юными, — произнёс Тао Наньлюй, процитировав строки из классики.

Он колебался довольно долго, прежде чем с силой хлопнуть Юй Шанчжи по плечу:

— Пойдём со мной.

Юй Шанчжи пошёл за ним, и вместе они направились к комнате, которую семья Сюй выделили Тао Наньлюю для ночлега. Домочадцы не удивились: они знали, что Тао Наньлюй тоже лекарь, и решили, что двое знахарей попросту не успели наговориться за ужином и теперь собираются продолжить беседу при свете лампы.

Тао Наньлюй, войдя в комнату, закрыл за собой дверь, зажёл лампу и жестом пригласил Юй Шанчжи присесть. Юй Шанчжи заметил, что на столе уже разложены кисти, тушь, бумага и чернильница, и, судя по всему, вовсе не деревенского происхождения. Эти вещи явно были личными принадлежностями Тао Наньлюя: пусть и не предметы роскоши, но всё же достаточно добротные, чтобы стоить с полдюжины лян серебра, если не больше. Такие крестьянский дом попросту не держал бы.

В чайнике стояла уже остывшая кипячёная вода. Тао Наньлюй разлил её по чашкам и подал одну Юй Шанчжи. Лишь теперь он перешёл к делу и озвучил терзающее его сомнение:

— То была всего лишь одна страница, без начала и конца. А ты говоришь, будто можешь помочь. Почему ты так уверен?

Юй Шанчжи чувствовал: больной, ради которого всё это затеяно, явно не прост. Он стал осторожнее и, не отвечая словами, лишь указал на письменные принадлежности на столе.

Тао Наньлюй был слегка удивлён такой осторожностью молодого человека, но всё же одобрительно кивнул и придвинул к нему бумагу и кисть. Юй Шанчжи обмакнул кисть в тушь и уверенно вывел на бумаге два иероглифа: “胃” (Е-гэ).

“Е-гэ” — термин, которым в древности китайские врачи обозначали затруднение при глотании пищи или неспособность её удерживать. В эпоху, из которой происходил Юй Шанчжи, этот диагноз чаще всего соответствовал таким заболеваниям, как эзофагит, язва пищевода или рак пищевода.

Болезни подобного рода приносили пациентам невыносимые страдания: в тяжёлых случаях они могли есть только через зонд, получая питательные смеси. Но в этом мире такой метод попросту недоступен. И значит больные по сути были обречены медленно и мучительно умирать от голода. Недуг считался чуть ли не злейшей из всех врачебных загадок.

Тао Наньлюй, разглядев иероглифы со множеством черточек, резко вздрогнул всем телом. Этот юноша... его проникательность поистине пугает.

Юй Шанчжи аккуратно положил кисть на место, по привычке взял лист, слегка встряхнул его,

чтобы тушь быстрее высохла. Делая это, он краем глаза уловил реакцию Тао Наньлюя и сразу понял: диагноз угадан верно.

Тао Наньлюй, ещё минуту назад полный сомнений, теперь уже не осмеливался и в мыслях недооценивать Юй Шанчжи. По правде говоря, он с уверенностью мог признать, что в свои двадцать с лишним лет такими способностями вовсе не обладал. А если подумать о старых товарищах по цеху... даже о тех гордых учениках, что недавно присылали ему письма с просьбами помочь в лечении е-гэ... В сравнении с этим юным лекарем, все они казались бледной тенью.

— Ты и впрямь родом из деревни? — наконец не выдержал он. — Твоим наставником был сельский знахарь?

Юй Шанчжи, не отклоняясь от заранее подготовленной версии, ответил с вежливой простотой:

— Этот младший учился у старого лекаря Циня из деревни Банпо, но чаще всего я сам сидел с медицинскими книгами, разбирался по наитию.

Тао Наньлюй задумчиво кивнул. Раз уж так, остаётся только объяснить всё врождённым даром. Сомнения в том, что Юй Шанчжи действительно способен ему помочь, у него больше не осталось. Он молча обдумал всё ещё раз, после чего начал выборочно, осторожно рассказывать, озвучивая лишь то, что можно было озвучить.

Юй Шанчжи слушал внимательно, одновременно погружаясь в размышления. По словам Тао Наньлюя, состояние больного оказалось куда серьёзнее, чем он предполагал ранее. Пища с трудом проходила, а чаще вызывала рвоту. Боль в груди, отёки на руках и ногах... Если так пойдёт дальше, то недалёк тот день, когда больной совсем перестанет принимать воду и еду, а вместе с этим и лекарство, что будет означать неминуемую смерть.

Что до личности самого пациента, Юй Шанчжи сознательно не пытался разгадывать. Он ясно видел, что Тао Наньлюй намеренно обходит эту тему, и сам не собирался лезть в чужие дела. Кем бы тот ни был, знатным или простым, в глазах лекаря он всегда оставался лишь больным, нуждающимся в помощи.

Тао Наньлюй наконец закончил рассказ, отпил воды, чтобы увлажнить горло, а Юй Шанчжи тем временем негромко постукивал пальцами по столу и, понизив голос, сказал:

— Следовательно, в состав предыдущего рецепта, составленного вами, входили ганьцао, цинпи, байдоукоу, динсян, чэньсян, шэсян и прочее... Смысл в том, чтобы согреть срединное и усмирить восстание ци, не так ли?

Юй Шанчжи к подобным вещам всегда подходил со всей серьёзностью, обладая удивительной способностью запоминать рецепты с одного взгляда. Одновременно он подумал про себя: в этом рецепте с таким размахом использованы драгоценные ингредиенты вроде чэньсяна и

шэсяна, тут и не нужно гадать, больной либо знатен, либо баснословно богат.

Тао Наньлюй снова посмотрел на него так, будто перед ним сидел не юноша, а нечто выходящее за пределы здравого смысла.

— Ты что, его выучил наизусть?

Юй Шанчжи лишь легко обошёл вопрос стороной и прямо сказал:

— Старший, вы не раз вносили изменения в состав, а в конце концов и вовсе решили сжечь бумагу. Это ясно говорит о том, что вы были не удовлетворены этим рецептом.

Тао Наньлюй не стал отрицать:

— Это я... некомпетентен.

Юй Шанчжи мягко покачал головой:

— По моему мнению, это была не некомпетентность, а скорее... излишняя осторожность.

Тао Наньлюй не ожидал, что его скрытые мотивы с самого начала будут так метко подмечены Юй Шанчжи. Слишком уж много неожиданностей приносил ему этот юный деревенский лекарь. Он ясно ощущал: с умом, которым обладал Юй Шанчжи, тот, стоит лишь захотеть, без труда догадался бы о личности больного. Но юноша был достаточно проницателен, чтобы остановиться на полуслове.

Юй Шанчжи продолжил:

— Состояние больного уже зашло так далеко, и вы, старший, выбрали рецепт, который пусть и надёжен, но излишне осторожен. Он не лечит, а всего лишь тянет время. Уверен, вы это прекрасно осознаёте.

Тао Наньлюй уставился на чашку с водой перед собой и долго молчал. Всю предыдущую половину своей жизни он подходил к лечению с предельной щепетильностью: каждая трава, каждый грамм лекарства, всё взвешивалось до мелочей. Но в итоге он стремился не к тому, чтобы как можно быстрее поставить пациента на ноги, а к срединному пути, к стабильности и безошибочности. Позднее он устал от такой жизни, и в один день сославшись на болезнь, подал прошение об отставке, после чего начал странствовать по Поднебесной, став вольным лекарем.

Юй Шанчжи спокойно наблюдал, как Тао Наньлюй погружается в долгую задумчивость, и терпеливо ждал, пока тот наконец не дрогнул веками и не задал вопрос:

— А по-твоему, что следовало бы сделать?

Юй Шанчжи по-прежнему не стал отвечать вслух, вместо этого он вновь потянулся к бумаге, только что использованной, обмакнул кисть в тушь и уверенной, стремительной рукой вывел новый рецепт. Тао Наньлюй не стал дожидаться, пока чернила высохнут, схватил лист, жадно пробежал взглядом по строкам, и лицо его заметно изменилось от потрясения.

— Ты... ты в этом рецепте использовал цзэцисюй и фуцзы... — он даже заикнулся. — Да ты же... ты просто...

Слова «бунтарь» уже были на кончике языка, но Тао Наньлюй вовремя прикусил их и сменил на:

— ...ты и впрямь дерзок до крайности!

Цзэцисюй и фуцзы — ядовитые травы. Пусть в медицине и говорят, что яд и лекарство происходят из одного корня, но достаточно малейшей оплошности, и средство, способное спасти жизнь, легко обернётся оружием, которое её отнимет.

Но чем дальше он читал, тем яснее становилось, почему Юй Шанчжи выписал именно такой рецепт. Цзэцисюй изгоняет воду и снимает отёки, фуцзы согревает и восполняет ян. В сочетании с другими ингредиентами, такими как дахуан, хоупо, юйлижэнь, чэньпи, это становилось превосходным средством для рассеивания застоя и устранения опухолей.

А внизу, мелким почерком, была сделана пометка: в помощь можно применять отвар из хуанци и ганцао для восполнения ци и облегчения глотания.

Подобно тому, как в тот день Юй Шанчжи вновь и вновь изучал обрывок рецепта, найденный в охотничьей хижине, теперь и Тао Наньлюй не раз прокручивал в руках написанное юношей, перечитывая строки раз за разом. И лишь спустя долгое молчание не сдержал вздоха:

— В древних книгах говорится: применять лекарство всё равно что вести войну. Сегодня я, наконец, понял смысл этих слов.

Он положил лёгкий, почти невесомый лист обратно на стол, и пальцами медленно сжал переносицу. Этот рецепт был поистине ценным, но важнее даже не он сам, а то, каким тяжёлым, оглушающим колоколом он прозвучал в ушах Тао Наньлюя. Оказалось, что он зря надеялся: будто стоит отказаться от должности и оставить столицу, как сразу удастся вернуться к первоначальному предназначению врача. Только теперь он осознал, что и тело, и разум его всё ещё закованы в ту самую старую цепь.

— Допустим... — Тао Наньлюй медленно выговорил, — я говорю допустим, что больной — это человек знатный и влиятельный. И если в процессе лечения допустить хоть малейшую ошибку,

из-за которой он погибнет... это будет гибель, полная катастрофа. Ты всё равно настаивал бы на этом рецепте?

Он понимал, что его попытки скрыть истину были до смешного слабы. Но в этот момент он слишком жаждал услышать ответ, хоть какое-то просветление, от этого юноши, столь блистательного талантом и с таким ясным, прозрачным взглядом.

Юй Шанчжи не раздумывал долго.

— Для врача на первом месте всегда должно быть одно: насколько назначенное лечение соответствует симптомам, как спасти больного, как облегчить его страдания. А если начнёшь оглядываться назад, заранее думать о последствиях, бояться беды и просчитывать исход, как раз тогда и может случиться настоящая беда.

— Оглядываться назад, думать о беде и добром исходе... — пробормотал Тао Наньлюй, вновь повторив за юношей, и в итоге лишь горько усмехнулся.

Эту фразу он и сам знал наизусть, ещё с тех пор, как только вошёл во врата искусства Ци Хуан. Но за долгие годы суеты и борьбы, сам не заметил, как давно уже выкинул её из головы.

На столе масляная лампа мерцала, словно бобовый росток, отбрасывая тусклый свет — старший и младший, два врача из разных поколений, в этот момент молча сидели друг напротив друга.

Спустя долгое молчание Тао Наньлюй, наконец, низко произнёс:

— Ты... фамилия Юй, имя Шанчжи. Я запомнил.

Он прижал написанный рецепт углом чернильного камня. Когда Юй Шанчжи с недоумением поднял на него взгляд, Тао Наньлюй поднялся, прошёл в дальний угол комнаты и стал рыться в своём дорожном узле. Вскоре он вновь вернулся к столу, держа в руках продолговатую коробочку из тёплого на ощупь дерева.

Тао Наньлюй молча протянул её Юй Шанчжи, жестом велел принять и открыть. Когда крышка приподнялась, Юй Шанчжи с удивлением обнаружил внутри полный набор игл для акупунктуры, и не простых серебряных или с посеребренной медью, как бывало обычно, а отлитых полностью из чистого золота.

— Старший, это... что это значит? — спросил он, слегка опешив.

Тао Наньлюй смотрел на деревянную коробочку с лёгкой тенью ностальгии во взгляде, но, в конце концов, вся эта ностальгия растворилась в спокойном примирении.

— Это набор золотых игл, что сопровождал меня в первые годы моего врачевания. На самом деле, я давно их не использовал. Всё это время держал при себе лишь как память о былом. Сегодня же, беседуя с тобой всю ночь, ощущаю сожаление, что встретились мы так поздно, да и, вдобавок, от тебя я получил ценный рецепт.

Выражение тревоги на лице Тао Наньлюя понемногу рассеялось, и он вновь стал походить на того доброжелательного старика, каким казался за ужином.

— Потому я хочу передать тебе этот набор в дар. Считай, что это моя плата за твой рецепт.

Увидев, что Юй Шанчжи собирается отказаться, он решительно его остановил:

— Не надо. Не отказывайся. Встреча на перепутье - тоже данная свыше судьба. Кто знает, сведёт ли нас ещё раз жизнь? А этот набор золотых игл пусть будет тем, что останется от этой встречи.

Пути их лежали далеко друг от друга, Юй Шанчжи это понимал. Тао Наньлюй скоро снова пустится в дорогу. Он сжал в руках деревянную коробочку, чувствуя, как золотые иглы внутри вдруг стали тяжки, будто несли на себе тысячу цзиней. В конце концов, он поднялся с места и низко поклонился, исполнив долгий церемониальный поклон до земли.

— Благодарю вас, уважаемый старший.

Тао Наньлюй с удовлетворением кивнул, однако, когда его взгляд вновь упал на лежащий на столе лекарственный рецепт, в его чертах снова появилась тень тревоги и сосредоточенности. Юй Шанчжи понимал, что в душе старика идёт настоящая борьба, он, несомненно, ещё колеблется, не может сделать выбор. Но что бы тот ни решил, дальше — уже не его, Юй Шанчжи, дело. Он не может вмешиваться.

На самом деле, Юй Шанчжи уже давно понял, что Тао Наньлюй безусловно мастер своего дела, врач, достойный называться истинным целителем, и к тому же, человек, скорее всего, с незаурядным происхождением. Раз уж предоставился такой редкий случай, он решился пригласить Тао Наньлюя к себе домой, чтобы тот взглянул на Вэнь-санъя. Не потому, что он сам сомневался в своих силах, вовсе нет, но ведь ещё одна пара глаз, ещё одно суждение опытного врача никогда не будет лишним.

Кто бы мог подумать, что, выслушав Юй Шанчжи, описавшего болезнь Вэнь-санъя и применяемый сейчас метод лечения, Тао Наньлюй только покачал головой и мягко отказался:

— Молодёжь достойна уважения. Даже если бы я сам занялся лечением твоего младшего брата, не смог бы сделать больше того, что уже сделал ты.

Юй Шанчжи немного пожалел, что всё-таки не удалось получить ещё одно мнение, но раз уж

Тао Наньлюй сказал это, значит, он и впрямь счёл его метод безупречным.

После этого они просидели ещё долго, ведя неторопливую беседу под покровом ночи, запивая сказанное простой кипячёной водой. Лишь когда ночь стала совсем глубокой, Юй Шанчжи наконец поднялся, чтобы попрощаться. Покидая небольшой дом Сюй, он обернулся. В окне всё ещё горел тусклый свет, а на оконной бумаге вытянулся одинокий силуэт.

Юй Шанчжи почему-то подумал: для Тао Наньлюя эта ночь, вероятно, станет бессонной.

Когда он вернулся домой, часы уже перевалили за второй час ночи. Всё селение погрузилось в сон, доносились лишь редкие и размеренные голоса ночных лягушек.

Юй Шанчжи ускорил шаг, а под конец и вовсе почти бежал, спеша домой. Когда он уходил, Вэнь Ецай знал лишь, что тот приглашён к деревенскому старосте на ужин с выпивкой, вряд ли он мог представить, что и к столь позднему часу Юй Шанчжи всё ещё не вернулся. Вспомнив, как минувшую ночь они провели в горах, а сегодня он снова заставил Вэнь Ецай волноваться и, возможно, плохо спать, Юй Шанчжи ощутил укол вины.

Почти вихрем ворвавшись во двор, он заметил, что из-за жары Даван и Эрван устроились спать прямо на циновках под открытым небом. Завидев его, псы приподнялись, настороженно всматриваясь. Юй Шанчжи поспешно сделал им знак, призывая не лаять. Те обнюхали его со всех сторон, убедились, что это «свой», и, лениво потянувшись, снова улеглись на свои места.

Юй Шанчжи поднял взгляд - в доме было темно, ни огонька. Он с облегчением выдохнул: значит, Вэнь Ецай, должно быть, слишком устал и уже лёг спать.

Он бесшумно умылся в кухне, стараясь ничем не потревожить сон домашних, и, шаркая по полу подошвами, прошёл в спальню. Внутри было темно, но лунный свет слегка серебрил очертания предметов.

Когда Юй Шанчжи аккуратно положил коробку с золотыми иглами и встал у окна, в его движениях не было ни капли поспешности. Он снял верхнюю одежду, готовясь лечь, но в тот самый момент, когда оставалось всего несколько движений, вдруг из темноты сзади протянулись две руки, крепко обхватив его за талию.

Без преувеличений у Юй Шанчжи от неожиданности мурашки пошли по всему телу, а остатки выпитого вина, казалось, разом испарились. Когда он пришёл в себя, конечно же, догадался, кто за его спиной.

— А-Е, — тихо позвал он.

Сбросив последнюю одежду, Юй Шанчжи сел на край кровати, затем одним ловким движением развернулся и потянул того, кто стоял позади, к себе в объятия.

— Почему ты ещё не спишь?

В темноте Вэнь Ецай напоминал щенка - он уткнулся лбом в его грудь, зарывшись в тепло. В следующую же секунду Юй Шанчжи безошибочно уловил в его дыхании запах вина.

— Ты пил? — спросил Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай всё ещё пребывал в лёгком опьянении. После того как в доме погас свет, его начало клонить в сон, казалось бы, он должен был давно заснуть. Но, переворачиваясь с боку на бок, в итоге он всё же дождался возвращения Юй Шанчжи.

— Ты пошёл к деревенскому старосте пить, и мне тоже вдруг захотелось, — пробормотал он. — Вот я и достал, что осталось дома, выпил пару чашек.

Он поднял руку, показывая жестом, что совсем немного. Юй Шанчжи понял, что тот всё же под градусом, и мягко прижал его бродящую руку, не давая ей снова махать в воздухе. Они были слишком близко, дыхание обжигало кожу, тела соприкасались, неотрывно сплетаясь друг с другом.

Вэнь Ецай прильнул к нему и, уткнувшись, спросил:

— Ты так поздно вернулся... всё это время был за столом с деревенским старостой и тем старым лекарем?

Юй Шанчжи не стал утаивать и рассказал обо всём: и о разговоре с Тао Наньлюем, и о том, что именно он когда-то жил в охотничьем домике в горах, и о том, как они обсуждали лечение, и, разумеется, не забыл упомянуть полученный в подарок набор золотых игл.

Услышав это, Вэнь Ецай лишь подумал, что совпадений уж слишком много.

- Старик Тао совершенно прав, это и есть ваша судьба. Ведь именно в тот день, когда мы поднимались в горы, пошёл дождь, мы зашли в тот деревянный домик и как раз тогда увидели оставленные им не сожжённые бумажки.

Юй Шанчжи кивнул и крепче прижался к своему супругу.

- Я изначально хотел попросить старшего Тао осмотреть Санья, но он вежливо отказался.

Он всё ещё ощущал лёгкое сожаление, однако Вэнь Ецай сказал:

- Вообще-то, раз уж он всё равно пришёл, такая мелочь не должна бы составить для него труда.

Может, он просто решил, что уступает тебе в умении, и потому не захотел приходить?

Юй Шанчжи невольно опустил взгляд на Вэнь Ецай, почти заподозрив, что этот парень подслушивал у стены дома Сюй.

Вэнь Ецай, с чуть затуманенным взглядом пьяных глаз, тихо рассмеялся.

- Похоже, я угадал.

Такие слова Юй Шанчжи никогда бы не смог произнести вслух, но Вэнь Ецай мог сказать их без всякого стеснения и, более того, с полной уверенностью в голосе. В его сердце Юй Шанчжи, пожалуй, был самым выдающимся лекарем на свете.

Это чувство будто стебелек лисохвоста скользнул по сердцу — щекотно и тепло, и он, не удержавшись, слегка прижался лбом к Вэнь Ецаю. Гер обвил руками его шею и мягко коснулся губами. Возможно, потому что этой ночью оба немного выпили, пусть не до потери сознания, но достаточно, чтобы добавить огня кое-каким желаниям. Сложенная у кровати одежда соскользнула на пол, и никто не обратил на это внимания.

Прошлой ночью вся семья спала беспокойно, а когда рассвело, никто не проснулся сразу. Позже Юй Шанчжи вышел из комнаты, прошёл на кухню и сварил кашу с четырьмя яйцами. Когда Вэнь-эрню и Вэнь-санья проснулись, они втроем позавтракали, а Вэнь Ецай всё ещё спал.

Вэнь-санья с лёгкой тревогой спросил Юй Шанчжи:

— Брат Юй, с братом что-то случилось? Он заболел?

Юй Шанчжи положил ему на тарелку немного маринованных овощей:

— С твоим братом всё в порядке, просто вчера лёг спать поздно. Я оставил для него завтрак, позже отнесу в комнату.

После еды они убрали маленький обеденный столик. Вэнь-эрню отправилась во двор привязать вола и выгнать уток, а затем спросила Юй Шанчжи, можно ли взять с собой Санья.

— Можете пройтись, развеяться, — согласился тот. — Но если пойдёте к пруду, обязательно берите с собой Давана. Через два кэ надо вернуться, летом слишком жарко, нельзя перегреваться.

С этими словами он снял со стены две соломенные шляпы и протянул им. Шляпы были колючие, и Эрню отказалась их надевать, а вот Санья послушно взял и тут же надел на голову. Он с детства был слаб здоровьем и редко выходил на улицу, поэтому выглядел гораздо блее, чем большинство деревенских мальчишек. Однако за это лето он не раз грелся на солнце, и болезненная бледность понемногу начала сходить.

Проводив брата с сестрой, Юй Шанчжи, не услышав в доме ни звука, решил сперва полить овощи на заднем дворе. С момента последнего сбора прошло уже несколько дней, и на грядках снова поспело немало стручков фасоли. Он выбрал те, что были достаточно длинными, и собрал немного в корзину. Плетя с люфтой тоже достигли поры созревания. Раздвинув листья, он осмотрел плоды — два оказались кривыми, косыми, будто ничего из себя не представляли. Он решил их не срывать: такие лучше оставить до полного созревания, потом можно будет раскрыть, вынуть волокна и использовать как мочалку для мытья посуды, чистки котелков, а то и для бани.

Когда он вернулся во двор, то тщательно вымыл руки. Прикинув по времени, что пора, взял тазик с умывальными принадлежностями и завтрак и направился в комнату.

Вэнь Ецай уже некоторое время как проснулся, но чувствовал вялость во всём теле и не хотел шевелиться. Поглаживая слегка тянущий и налитый живот, он подумал, что при всем том усердии, с которым Юй Шанчжи трудится ночь за ночью, не мешало бы и самому иногда как-то «откликнуться».

Запах еды проник в комнату, и он лениво перевернулся на другой бок. Хотя обычно Юй Шанчжи и так замечательно заботился о домочадцах, но если сам понимал, что накануне вечером немного переборщил, то на следующее утро становился особенно заботливым и внимательным.

Приняв из его рук веточку ивы и солёную воду, Вэнь Ецай шумно почистил зубы, затем умылся. С лица смылся пот, и сам он сразу почувствовал себя посвежевшим.

— Мне нужно зайти к деревенскому старосте, — сказал Юй Шанчжи. — Думаю, старший Тао сегодня уезжает, я хочу его проводить.

Он сидел рядом, наблюдая, как Вэнь Ецай завтракает, вовремя подал ему платок вытереть рот. Всё было настолько предусмотрительно и заботливо, что под конец даже Вэнь Ецаю стало немного неловко. Всё-таки Юй Шанчжи накануне, конечно, немного переусердствовал, но ведь и ничего дурного не сделал, и сам Вэнь Ецай тоже получил удовольствие. Поэтому, вытерев рот, он предложил пойти вместе, так как сам хотел взглянуть, что за человек этот старый лекарь Тао, и откуда он взялся.

Однако ни один из них не ожидал, что, хотя пришли они вовсе не поздно, в доме деревенского старосты им скажут: Тао Наньлюй уже ушел. Сюй Байфу встретил их с выражением явного разочарования на лице:

— Да я всего лишь из-за вчерашнего выпил немного и проснулся чуть позже обычного, а в доме уже никого. Он оставил только два письма и немного денег. Кстати, парень Юй, пойдёмка со мной. Одно письмо для тебя, а ещё... одна книга.

Юй Шанчжи последовал за деревенским старостой в дом и увидел, как тот достаёт тетрадь, между страницами которой была аккуратно вложена сложенная записка.

— Вот уж старик! — с лёгкой досадой сказал Сюй Байфу. — Я ведь надеялся, что он поживёт у нас ещё несколько дней...

Старосте редко выпадала возможность пообщаться с кем-то столь близким по духу, и он, как и Юй Шанчжи, испытывал сожаление из-за столь поспешного отъезда.

Однако Юй Шанчжи понимал: если Тао Наньлюй ушёл, не попрощавшись, значит, на то были веские причины, скорее всего, связанные с тем сложным больным, которого он упоминал раньше. Тем не менее, раз уж старик оставил письмо Сюй Байфу, вероятно, там всё объяснено. Юй Шанчжи не стал расспрашивать лишнего.

Он опустил взгляд и раскрыл книгу в традиционном переплёте и тут же понял, что это медицинский трактат. По почерку было ясно: написано рукой самого Тао Наньлюя. Это был труд, вобравший в себя его врачебный опыт почти всей жизни.

Содержание письма можно было свести к двум основным мыслям. Во-первых, Тао Наньлюй, как человек с жизненным опытом, выражал надежду, что Юй Шанчжи сумеет сохранить чистоту помыслов и верность врачебному призванию, не свернёт с избранного пути, а если представится возможность, непременно изложит свои знания в книге, чтобы передать их потомкам. Во-вторых, тонко, но настойчиво он советовал не ограничиваться рамками этой маленькой горной деревушки. С такими врачебными умениями ему следовало бы выйти в более широкий мир и приносить пользу как можно большему числу людей.

Прочитав письмо, Юй Шанчжи аккуратно убрал его, с глубокой серьёзностью. Его охватило сильное волнение. Что до того, чтобы покинуть деревню Селю, мысль эта не раз приходила ему в голову. Но сейчас их семья ещё не окрепла финансово.

Он не хотел идти в уже существующую клинику и сидеть там наёмным врачом. Если и открывать что-то, то собственную клинику, это было бы идеально. Однако не говоря уже о городском уезде, даже в уездном посёлке аренда небольшой лавки на год стоила бы десятки лян серебра. И это без учёта съёма жилья, без затрат на приобретение сотни-другой наименований лекарственных трав и снадобий. К тому же открыть клинику не то же самое, что торговать товарами: она не начнёт приносить прибыль сразу. Так что в нынешней ситуации важнее всего было продолжать делить с Вэнь Ецаем бремя содержания семьи и по возможности откладывать как можно больше серебра.

Тао Наньлюй пришёл и ушёл поспешно, и в деревне ещё два дня с интересом обсуждали эту редкую тему, но вскоре всё снова погрузилось в привычное спокойствие.

Юй Шанчжи же с того самого дня полностью погрузился в подготовку к черенкованию годжи. Он выбрал самый простой способ — укоренение в воде. Сначала тщательно перебрал собранные веточки: те, на которых уже начали завязываться плоды, сразу отбрасывались. Остальные он воткнул глубоко в воду, после появления корешков их можно будет пересадить в землю.

В деревне деревья тоже обычно разводили таким способом, так что, когда Су Цуйфэнь и Бай Пин пришли в гости и увидели у стены аккуратный ряд черенков, стоящих в воде, они только поинтересовались мельком, не вдаваясь в подробности. Им и так стало ясно: у Юй Шанчжи голова варит.

Все знали, что ягоды годжи стоят дорого, но никто прежде не задумывался, что растущие в горах кусты можно попытаться выращивать и на собственном поле. Если эксперимент удастся, и кусты приживутся, прибыль от них будет куда выше, чем от любого зерна.

Пока черенки пускали корни, те свежие ягоды годжи, что он в прошлый раз принёс с гор, уже успели как следует высохнуть. Свежие ягоды годжи нужно было сначала подвялить в тени, а затем два-три дня просушивать на солнце, чтобы не отсырели снова. После сушки ягоды остались такими же крупными, сладкими на вкус, с плотной, мясистой мякотью.

Юй Шанчжи и Кон Майя собрали весь урожай в небольшие корзинки: около четверти оставили себе, для домашнего пользования, остальные три четверти отложили, чтобы затем оптом продать в аптеку Байцзиган.

Сейчас к Юй Шанчжи на приём приходило всё больше людей, и тех лекарственных трав, что он собирал в горах, уже почти не оставалось, даже аптеке стало нечего предлагать. Зато эти ягоды отличного качества могли принести хорошую выручку. Подсчитав, что в городке они не были уже довольно давно, перед поездкой Вэнь Ецай снова сходил в горы и поймал шесть зайцев и двух фазанов. Одного из зайцев зажарили дома на ужин, остальных пятерых он собрался продать.

Перьев у фазанов было видимо-невидимо, и все были яркие, переливающиеся. Вэнь Ецай без капли жалости ошипал обе птицы подчистую. В этот раз он тоже немного поддался городской моде: два особенно красивых пера оставил дома для украшения, а ещё несколько отдал Вэнь-эрню, чтобы та смастерила волан для игры. Вэнь-эрню была в полном восторге и не могла оторваться от нового волана. Она сразу заявила, что надо сделать ещё два: один подарить Ху Ню, а другой — Майя.

Управляющий Чжоу из аптеки «Байцзиган», увидев Юй Шанчжи и Вэня Ецай, едва ли не бросился им навстречу, будто повстречал давно потерянных родичей. Причина была проста: всякий раз, когда эти двое появлялись, они приносили с собой какой-нибудь редкий и добротный товар, который больше ни у кого из лекарственных сборщиков нельзя было достать. Даже если приносили не такие уж редкие травы, Юй Шанчжи всегда обрабатывал их идеально, чисто, аккуратно, с полной сохранностью лекарственных свойств.

Взять хотя бы те змеиные кости, что он как-то принёс - Чжоу тут же перепродал их управляющему лавки «Фулубучжуан», выручил несколько лян серебра, а заодно ещё и обменял часть на дефицитный в те дни отрез красивой узорчатой ткани, которую даже купить было почти невозможно. Принёс домой и от жены получил целую бурю похвал.

— Хорошо, что вы пришли, — радостно сказал он. — Я как раз недавно достал отличный чай. Жара стоит страшная, пойдёмте назад, там посидим и поговорим.

Управляющий Чжоу пригласил их пройти в заднюю комнату, где скоро появился слуга с подносом: ароматный чай и лёгкие угощения. Красноовато-коричневый настой аккуратно разлился по фарфоровым чашкам, с первого взгляда было ясно: это выдержанный, многолетний шу пуэр.

Юй Шанчжи сделал глоток и сразу заметил, что управляющий Чжоу внимательно на него смотрит. Он лишь слегка улыбнулся:

— Управляющий Чжоу, вы будто экзамен мне устроили.

Чжоу рассмеялся:

— Хотелось просто узнать, сумеет ли твой язык распознать, сколько лет этому пуэру.

Юй Шанчжи, не меняясь в лице, снова неторопливо пригубил и, проявляя скромность, ответил:

— Если бы было меньше трёх лет, не было бы такой мягкости и сладковатой округлости. Думаю, как минимум пять лет выдержки. Точнее сказать не возьмусь.

Рука Чжоу, уже потянувшаяся к чашке, на мгновение застыла. Он удивлённо поднял на него глаза, а потом поднял большой палец:

— Брат Юй, ты, оказывается, ещё и в чае толк знаешь.

Впрочем, в отличие от Юй Шанчжи, Вэнь Ецай к пуэру питал куда меньше симпатии.

Управляющий Чжоу заметил это и без лишних слов велел службе принести Вэню Ецаю другую заварку - жасминовый чай с ароматными лепестками.

Когда чай был уже почти допит, Юй Шанчжи достал принесённые ягоды годжи. Чжоу только взглянул, и у него глаза округлились. Честно говоря, если уж говорить начистоту, те ягоды, что обычно продавались у него в лавке, и вполтину не дотягивали до этих по размеру.

— У вас в деревне, что, земля какая-то благословенная? Как такие ягоды-то вырастают? Судя по размеру, кустам лет-то немало, должно быть, старые деревья.

Аптекари всё же знали, в чём суть, но даже при этом Юй Шанчжи ничуть не беспокоился, что Чжоу может догадаться, откуда именно он берёт ягоды с тех старых кустов. Да если и догадается, то место, где они росли, было таким труднодоступным, что без охотничьей сноровки, как у Вэнь Ецай, никто бы туда не добрался.

— Это первая летняя партия, — спокойно сказал Юй Шанчжи. — Управляющий, цену уж вы назначайте сами.

Старые кусты годжи давали урожай куда щедрее обычных, с одного дерева можно было собрать от тридцати до сорока цзиней свежих ягод. Если вычесть те, что росли слишком высоко и были недоступны, а также те, что испортили птицы, то с трёх кустов удалось собрать более шестидесяти цзиней свежего урожая, а после сушки осталось примерно двадцать цзиней.

Из них с собой они привезли около шестнадцати цзиней. Управляющий Чжоу, оценив качество, дал цену сто пятьдесят вэнь за лян, то есть полтора ляна за цзинь.

Плюс к этому Юй Шанчжи принёс заодно и те травы, которые в прошлый раз ещё не успел довести до ума: санцзышэн, даньшэнь и другие. Всё вместе вытянуло на двадцать пять лян серебра.

С тяжёлым, приятно звенящим кошельком в кармане, двое решили по дороге зайти в ресторан «Цзюйсянь» и спросить, не нужны ли им зайцы. Хотя когда-то они и договаривались с господами из дома Цяней о поставках дичи, но такие мелкие трофеи, как зайцы, вряд ли интересовали тех, кому на целый стол подают блюда из дичи. Мяса от зайца не наберётся на два люда, да и хлопотно это.

Неожиданно, проходя мимо заведения семьи Чжу, их перехватил знакомый официант.

— Господа! Узнали меня?

Вэнь Ецай частенько заходил в эту закусочную, так что парня он сразу вспомнил. Что до Юй Шанчжи, его память и так не подводила.

— В тот день, когда мы приходили поесть, ты как раз нас и обслуживал, — припомнил Вэнь Ецай, с некоторым удивлением глядя на паренька. — Но что ты вдруг так нас окликнул? У вас в лавке после того случая как, дела не пострадали?

Служка тут же вежливо склонился и с широкой улыбкой ответил:

— Благодаря вам, господа, всё идёт как по маслу! Если честно, наш хозяин давно хотел лично поблагодарить вас, да только всё не удавалось вас встретить. Вот и велел мне каждый день у дверей поглядывать, не пройдут ли вы мимо. И вот, наконец, дождался!

Парень оказался на редкость словоохотлив: заговорил наперебой, без передышки, засыпал благодарностями и пересказами указаний хозяина. Ни Юй Шанчжи, ни Вэнь Ецай даже не успели вставить ни слова.

Когда же, наконец, удалось уловить суть сказанного, Юй Шанчжи лишь спокойно покачал головой: идти внутрь он не собирался. На его взгляд, босс Чжу ничем им не обязан, и ждать от него благодарностей он вовсе не желал.

— Передай, пожалуйста, боссу Чжу, что мы с супругом спешим — несём дичь на продажу, а такая вещь долго не хранится, свежесть теряется. В следующий раз, как будем в городке, обязательно зайдём, тогда и поговорим как следует.

К сожалению, слова Юй Шанчжи прозвучали на мгновение позднее, чем следовало бы — Чжу Тун уже услышал знакомые голоса снаружи, и, не мешкая, поспешил выйти, как раз подоспев к его фразе-отговорке.

— Пустяки! Что бы там за дичь ни была, продайте её мне, этому старику, и дело с концом! — живо сказал он, с широкой, совершенно искренней улыбкой.

<http://bllate.org/book/13600/1205975>